

Л. А. ГАМАН

Ф. А. СТЕПУН О I МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В статье рассмотрены представления русского религиозного мыслителя Ф. А. Степуна (1884–1965) о I Мировой войне. Анализируется его основанная на синтезе религиозно-философского и научного подходов исследовательская стратегия, которая позволила ему отразить семантическую сложность войны как социального феномена, имеющего как эмпирическое, так и метафизическое измерение. Особое внимание уделено антропологическому измерению войны в интерпретации Степуна.

Ключевые слова: I Мировая война, религиозная философия истории, армия, тыл, менталитет.

Фёдор Августович Степун (1884–1965) – яркий представитель русской мысли XX века. Высокоодаренный исследователь, обладающий широким кругом научных интересов, автор многочисленных работ, большей частью центрированных на руссиеведческой проблематике, он внес большой вклад в развитие русской культуры. В богатейшем творческом наследии Степуна важное место занимает проблема войны. Устойчивость интереса к этой проблеме в немалой степени определялась его непосредственным участием в I Мировой войне в действующей армии в качестве прапорщика-артиллериста, дослужившегося за годы войны до чина поручика. Он также был вдумчивым наблюдателем многих других военных конфликтов XX века, включая II Мировую войну.

Несмотря на интерес исследователей к творческому наследию Степуна, в России проявившийся в постсоветский период¹, его историко-религиозные представления о войне изучены недостаточно. В этой связи представляется актуальным обращение к этой части его наследия, в первую очередь, к его размышлениям, посвященным осмыслению I Мировой войны. В качестве основных источников выступают работы Степуна: «Из писем прапорщика-артиллериста», «Бывшее и несбывшееся», «Мысли о России» и другие.

Исходной точкой размышлений Ф.А. Степуна о войне являлась его глубокая убежденность во всеобъемлющем характере христианства как «некоей абсолютной истины», пронизывающей все уровни бытия. Формулируя свою фундаментальную теоретико-методологическую установку, он писал: «Метафизика не противоположна истории. И Вечное

---

¹ Ермичев. 1999. С. 393-409; Кантор. 2008. С. 3-39; Гаман. 2010. С. 92-94; Киселев. 2014. С. 89-125.

становится на земле через временное. Весь смысл исторического процесса в осуществлении на земле сверхисторического – Абсолютного»². По его убеждению, лишь легитимация внутренней связи «абсолютного» и «исторического», осложнённой множеством опосредований, придает историческому процессу онтологический смысл, без признания которого история как реальность особого порядка утрачивает своё значение.

Примененный к изучению войны, этот историко-религиозный подход способствовал выявлению ее смысловых уровней, сложно связанных с сакральными началами. При этом приоритетное внимание Степун уделил антропологическому измерению войны; он был убежден в том, что глубоко исследовать историческое событие «возможно только как процесс в человеческих душах, а не в виде орнаментально стилизованного описания действительности»³. Присмотримся к размышлениям Степуна о полисемантической природе войны.

В книге «Из записок прапорщика-артиллериста», одной из лучших книг о I Мировой войне, Степун, позиционируя себя как «ее величайшего противника и ненавистника», тем не менее, поставил вопрос о смысле войны и ее ценности⁴. Он подчеркивал: «...война есть ни что иное, как открыто сказанная правда о той невероятной лжи, в которой жили мирные народы культурнейшей Европы»⁵. Конечно, подразумевалась ложь секуляризованной культуры, породившей мещанство как духовный феномен, потребительскую психологию, преобладание ценностей прагматизма и утилитаризма. Война воспринималась как напоминание христианскому человечеству о необходимости преображения мира; именно в этом Степун усматривал ее основной смысл. Было бы большим упрощением интерпретировать такие представления, как оправдание или тем более одобрение войны. Более того, Степун однозначно заявлял: «Нельзя же действительно быть христианами и во имя Христа убивать христиан!»⁶. Тем не менее, он был убежден, что феномен войны нельзя рассматривать *вне* христианства уже потому, что восприятие войны как зла стало возможным лишь на христианской почве⁷. На христианской же почве она начинает восприниматься в качестве «греха человечества», изживание которого только и придает смысл войне как социальному феномену⁸.

---

² Степун. 2009 (а). С. 407.

³ Степун. 2012. С. 345.

⁴ Степун. 2000 (б). С. 116.

⁵ Там же. С. 179.

⁶ Там же. С. 70.

⁷ Степун. 2009 (б). С. 516.

⁸ Там же. С. 516.

Степун допускал идею священной войны, невысказанную вне признания надличностных целей и ценностей: «...для того, чтобы осуществлялась такая священная война, в ее основе должны быть нерушимы следующие два условия: во-первых, идея, во имя которой люди приносят в жертву свои всегда и во всяком случае драгоценные жизни, должна быть действительно Божественной идеей, а не человеческой выдумкой, а во-вторых, каждый – исключения абсолютно не допустимы – кто несет свою жизнь к священному жертвеннику, должен быть безусловно охвачен и проникнут, более – должен быть всецело, во всем своем бытии и существе, убит и заново рожден этой идеей»⁹.

Однако I Мировая война, несмотря на ее глубоко трагический характер, несмотря на вызванный ею первоначально всплеск патриотизма и жертвенности, очень мало соответствовала священной войне. Уже в первые месяцы войны Степун увидел ее негативные стороны, обусловленные «полной неподготовленностью России к войне»¹⁰ и «полным бессилием... монархии защищать национальное дело России»¹¹. В действующей армии «отвратительными», по его выражению, были «угнетающая забитость серых солдатских масс», «бесконечное хамство некоторых 'благородий'», «блистательная глупость блестящих генералов»¹². На занятых русскими войсками территориях в Галиции и Венгрии безобразными он назвал проявления мародерства и антисемитизма, что, по его наблюдению, особенно откровенно практиковалось казаками¹³.

Оказавшись в ноябре 1915 г. в тылу в Евангелическом полевом лазарете под Москвой в связи со случайным переломом ноги, Степун столкнулся с иными по характеру отрицательными сторонами войны: «беспросветное хамство русской государственной власти»¹⁴, равнодушное отношение к раненым, взяточничество. Он резюмировал: «Одни успешно устраиваются, нагло ловчатся, открыто откупаются, другие беспомощно бьются в тупиках смерти и ужаса»¹⁵. Вся горечь его вывода особенно оттеняется свойственным Степуну в тот период восприятием войны преимущественно в «образе физической смерти»¹⁶. Это, в частности, нашло отражение на страницах книги «Из записок прапорщика-

⁹ Степун. 2000 (б). С. 68.

¹⁰ Степун. 2000 (а). С. 284.

¹¹ Степун. 2009 (а). С. 328.

¹² Степун. 2000 (б). С. 10.

¹³ Там же. С. 75-76.

¹⁴ Там же. С. 139.

¹⁵ Там же. С. 120.

¹⁶ Там же. С. 183.

артиллериста» в натуралистических картинах смерти, изображенных с большой художественной силой. Переживаемый на войне опыт постоянной близости к смерти по-особому оттенял и тыловую отвлеченность образованного российского общества в вопросах войны, обусловленную непониманием истинного положения дел на фронте.

Степун предпринял попытку отразить сложную палитру взаимоотношений на фронте. Вразрез с бытовавшими в тылу идеалистическими представлениями о настроениях солдат, он писал: «...подавляющее большинство воюет только потому, что попытка избежать верной смерти в бою ведет прямым путем к неминуемой смерти по суду через повешение»¹⁷. Такую мотивацию он не считал предосудительной и квалифицировал ее как проявление реалистичности и критичности русского солдата. Эти же качества он усмотрел и в отрицательном отношении солдат к добровольцам, пополнявшим действующую армию: «Добровольцев они презирают, потому что добровольцы пришли... “зря”, потому что они ничего «настоящего» все равно делать не могут... потому, наконец, что добровольцы эти бежали от того глубоко чтимого солдатами священного, полезного и посильного им домашнего труда, который после их побега остался несвершенным в полях и в хозяйствах»¹⁸. Гражданская неподготовленность большинства русских солдат к войне, тем не менее, не рассматривалась Степуном как препятствие к выполнению воинского долга.

На рубеже 1914–1915 гг. Степун обратил внимание на рост критических настроений среди солдат, находившихся на передовой, их ожидания «с часу на час правды и замирения»¹⁹. Пожалуй, в числе первых он указал на сложную природу солдатской тяги к замирению. В ее составе он усматривал не только «шкурнически-бунтарский аспект», но и «по существу праведную тоску русского народа по замирению»²⁰. В исторической перспективе игнорирование этого последнего аспекта Временным правительством, по убеждению Степуна, стало одной из главных причин поражения Февральской революции. Дальнейшие неудачи русской армии лишь усилили критические настроения солдатских масс. К осени 1916 г. в психологии армии, по наблюдению Степуна, произошел еще более серьезный сдвиг: солдаты начали проявлять готовность к самовольному уходу с боевых позиций; в некоторых частях стало возможным открытое обсуждение убийства офицеров²¹.

---

¹⁷ Там же. С. 69.

¹⁸ Там же. С. 75.

¹⁹ Там же. С. 78.

²⁰ *Степун*. 2000 (а). С. 349.

²¹ *Степун*. 2000 (б). С. 141.

Глубоко проникая на основе собственных наблюдений в народную психологию, Степун убеждался в мотивационной сложности поведения русского солдата. Обратной стороной вынужденного отбывания воинской службы он считал стихийный народный патриотизм, немислимый, по его убеждению, вне глубокой веры народа, пусть и неосознаваемой, в религиозную метафизику войны. Стержнем русского патриотизма являлась вера в незыблемость России, в то, что «Бог Россию не выдаст». Эта вера, по убеждению Степуна, являлась характерной как для солдата царской армии, так впоследствии и для солдата Красной Армии, несмотря на атеистическую риторику и фразеологию, столь характерную для советского периода российской истории. Бессознательное переживание мистики войны выражалось в свойственной офицеру и солдату вере в судьбу, в то, что «война с того света пришла», что определяло как ее «покорное приятие, так и героизм», и дух «добровольческого самопожертвования»²².

Несомненно, в своем анализе Степун коснулся некой устойчивой черты народного восприятия войны. В высшей степени интересно в этой связи описанное Виктором Астафьевым психологическое состояние одного из героев посвященного Великой Отечественной войне романа «Прокляты и убиты» – советского солдата-призывника Лешки Шестакова: «Покорность судьбе овладела им. Сам по себе он уже ничего не значит, себе не принадлежит – есть дела и вещи важнее его махонькой персоны. Есть буря, есть поток, в которые он вовлечен... может, и умереть придется вместе с этой все захлестнувшей усталой массой...»²³. Сходные суждения религиозного философа и писателя, имевших опыт непосредственного участия в боевых действиях, служат весомым свидетельством устойчивости ментального уровня исторического сознания, о чем убедительно пишет Б.Г. Могильницкий²⁴.

Переживание мистики войны придавало воинской доблести и героизму особую онтологическую глубину и смысл, поскольку они переводились в измерение «диалога с вечностью». Лишь в таком ключе, подчеркивал Степун, становилось возможным приближение к пониманию «древнего восторга боя», не сводимого ни к патриотизму, ни к ненависти к врагу²⁵. Причем, эта глубина определялась не только стоянием перед смертью (в этом случае война, по мнению мыслителя, не отличалась бы от смертоносной эпидемии), но и необходимостью лишать жизни себе подобных: «...сущность войны не в том, что на войне

---

²² Степун. 2000 (а). С. 271.

²³ Астафьев. 2007. С. 30.

²⁴ Могильницкий. 2000. С. 34-67.

²⁵ Степун. 2000 (а). С. 286.

люди учащенно *умирают*, иначе она ничем не отличалась бы от эпидемии, а в том, что на ней люди беспрерывно *убивают* друг друга (курсив Степуна. – Л.Г.)»²⁶. Коснувшись основного нравственного противоречия войны, особенно сложного для христианского сознания, Степун пришел к выводу, что лишь переживание убийства на войне в русле христианской категории «греха» позволяет принять войну в ее трагической глубине. Вне религиозного переживания вынужденного лишения жизни ближнего, пусть и врага, резюмировал он, «война перестает быть человеческой войной и становится нечеловеческой бойней»²⁷.

По мысли Степуна, размывание мистики войны, ослабление в сознании современного человечества «трагического ощущения жизни» таило большие опасности для исторического бытия народа. Достаточно отметить две из них, парадоксально связанные между собой: эскалация социальной агрессии в обществе и снижение сопротивляемости народа внешней опасности. Разложение русской армии, широкое распространение в ней «духа уныния» и пораженческих настроений, политизация армейской жизни – все это в немалой степени было обусловлено размыванием мистики войны: «Дух добровольческого самопожертвования явно отлетал от армии, даже геройство становилось расчетливым. Менялось это все потому, что война уже никем не ощущалась судьбою, от которой уйти нельзя и прятаться постыдно»²⁸.

Особо подчеркнем: ускоренное размывание мистики войны стало составной частью трансформации природы войны в условиях техногенной цивилизации XX в. Для Степуна начало применения оружия массового уничтожения ознаменовало наступление периода предельного обесчелочения войны как социального феномена. Вспоминая опыт переживания газовой атаки в 1917 г., он писал в своих мемуарах: «После газовой атаки в батарее все почувствовали, что война перешла последнюю черту, что отныне ей все позволено и ничего не свято»²⁹.

Степун уделил большое внимание анализу таких социально-психологических феноменов, как «фронтовое братство», прочность которого закреплялась «боевым крещением»³⁰, и «привязанность к фронту»³¹. Фронтовое братство воспринималось им как одна из наиболее прочных форм социальной солидарности. Он был убежден, что не критичная экс-

---

²⁶ Степун. 2000 (б). С. 174.

²⁷ Степун. 2009 (б). С. 518.

²⁸ Степун. 2000 (а). С. 301.

²⁹ Там же. С. 304.

³⁰ Степун. 2000 (б). С. 170.

³¹ Там же. С. 115.

траполяция социальных противоречий на армию затмевала «древнюю правду армии», упрощала сложную систему взаимоотношений, исторически сложившуюся в дореволюционной российской армии. Он полагал, что «сверхпартийная, боевая жизнь» и равенство солдат и офицеров перед смертью порождали особый контекст взаимодействия, ведущая тональность которого определялась близостью к вечности. И так пояснял свою точку: «...дело в том, что фронт перекладывает ось нашей жизни из положения горизонтального в вертикальное»³². В данном суждении Степуна содержится прообраз его любимой метафоры, сформулированной позднее: «от быта через событие к бытию»³³. Впоследствии с ее помощью он стремился отразить масштабность и смысловую глубину значительных исторических событий, таких, например, как Русская революция 1917 года. В обращенности к вечности, к метафизическому уровню бытия, ему виделась главная ценность войны, а позднее и революции.

До настоящего времени научный интерес представляют размышления Степуна об особенностях менталитетов воюющих народов, что напрямую влияло на содержание и стилистику их фронтовой и тыловой жизни. Причем, касаясь проблемы ментальных особенностей народов, он особо подчеркивал необходимость учитывать диалектическое единство позитивных и негативных их составляющих. К числу позитивных свойств русского человека Степун относил его целостность, его глубокую связь «с ценностями абсолютного религиозного порядка», позднее определенную им как «первичность, настоящность» русского человека. Наличие в русском менталитете этой черты дало ему основание для такого полемического по своему характеру утверждения: «...варварство русского мужика много ближе к подлинным высотам культуры, чем среднеинтеллигентская образованность», при условии сохранения его религиозности³⁴.

Неоднозначно Степун воспринимал специфическое отношение русского солдата к организации собственной безопасности. Наблюдения за этой стороной жизни в условиях боевых действий привели его к неутешительному выводу о беспечности по отношению к своей, а нередко и к чужой жизни. «Непонятно, – подчеркивал он, – почему так зря идут на свою погибель русские люди: минутами кажется, что это глупая лень, минутами – что это великая покорность обреченных»³⁵.

Немало критических замечаний он высказал в отношении неоднозначной по своим последствиям склонности русского человека к «им-

---

³² Там же.

³³ *Степун*. 2000 (а). С. 518.

³⁴ Там же. С. 156.

³⁵ *Степун*. 2000 (б). С. 98.

провизаторскому дилетантизму»³⁶ в разных сферах социального взаимодействия. Свидетельствующая о внутренней свободе русского человека, эта склонность на отрицательном полюсе, по убеждению Степуна, стала одной из главных причин низкого уровня подготовленности русской армии к войне. Особую же обеспокоенность у него вызывала такая черта русского менталитета как «конкретный морализм», определивший немало особенностей отечественной культуры. Его суть можно выразить так: то, что недопустимо по отношению к ближнему, к его личности и имуществу, вполне допустимо по отношению к обезличенным началам, например, государству и государственной собственности³⁷.

Среди основных характеристик немецкого народа Степун выделял такие качества, как «педантичность», «аккуратность», «профессиональная ограниченность и тупая методичность»³⁸. Он не сомневался в том, что «разумная принципиальность»³⁹, свойственная немцам, способствовала формированию гораздо более жесткого стиля их социального поведения. Все обозначенные характеристики в своей совокупности, в большей или меньшей степени, коррелировались с таким ключевым качеством немецкого народа, как «деловой прагматизм», определявший высокий уровень его организованности в военное и мирное время. Причем, по мысли ученого, это имело неоднозначные следствия для самой Германии. Так, одной из причин ее поражения в I Мировой войне он считал контрпродуктивную позицию немецкого генерального штаба, «переоценившего начала метода, порядка и долга и недооценившего начала импровизации, случая и вдохновения»⁴⁰.

Степун обратил внимание на принципиально разное восприятие войны религиозным сознанием русского и немецкого народов: «Истари чтя святых воинов, Россия никогда не считала воинов, как таковых, за святых», а в протестантской Германии широкое распространение получил «древнегерманский идеал воинской доблести»⁴¹, в отличие от свойственного русскому религиозному сознанию восприятия войны как вынужденного зла. Отмеченный Степуном вслед за Максом Шелером «религиозно-исповеднический милитаризм» немцев стал важным источником военных инициатив Германии в первой половине XX века.

---

³⁶ Степун. 2000 (а). С. 269.

³⁷ Степун. 2000 (б). С. 156.

³⁸ Там же. С. 133.

³⁹ Степун. 2000 (а). С. 273.

⁴⁰ Степун. 2009 (а). С. 411.

⁴¹ Степун. 2000 (а). С. 371.

Отметим, что сравнительно-исторический анализ менталитетов русского и немецкого народов не означал в интерпретации Степуна противопоставления Германии и России. В отличие от Н.А. Бердяева, который рассматривал Германию в годы войны как исторического врага России, Степун находил глубокую близость германского и русского народов, подчеркивая объединяющую их приверженность религиозному началу: «Сродство обеих наций заключается в том, что Россия, так же как и Германия, определена в своем духовном облике и в своих жизненных судьбах ценностями абсолютного религиозного порядка»⁴². Вывод Степуна о глубоком внутреннем духовном сходстве двух народов, при несомненных их внешних различиях, стал одним из его главных методологических принципов в изучении Германии и России в дальнейшем. Уверенность исследователя в его правильности не поколебали ни советский большевизм, ни германский национал-социализм.

В годы I Мировой войны Степун заострил внимание и на значении для судеб мировой культуры реактуализации архетипа «свой – чужой» в условиях техногенной цивилизации, породившей не только оружие массового уничтожения, но и изощренные коммуникационные технологии, расширяющие возможности манипуляции массовым сознанием. В частности, увеличились возможности создания и распространения негативных стереотипов о народе-противнике в целом, что в режиме долгого времени несет угрозу существованию культуры как таковой. Схожую обеспокоенность высказывал Бердяев, писавший об опасности закрепления «блокового мышления» в мире по окончании II Мировой войны⁴³.

Таким образом, исследовательская стратегия Степуна, основанная на синтезе христианского и научного подходов, позволила ему отразить природу этого социального феномена, крайне сложного для понимания вне признания трагического характера исторического процесса. В войне явственно обнаруживается бесконечная сложность природы человека, как центрального ее субъекта во всех его взлетах и падениях; одновременно с этим в войне зарождался замысел «о новом гармоничном человеке»⁴⁴. Зададимся вопросом: не здесь ли следует искать истоки «новгородских» антропологических поисков Степуна? Так или иначе, своим вниманием к антропологическому измерению войны мыслитель обогатил существовавшие в то время научные представления о природе войны; не утратили они своей актуальности и в настоящее время.

---

⁴² Степун. 2000 (б). С. 135-136.

⁴³ Бердяев. 1953. № 32. С. 271-280.

⁴⁴ Степун. 2000 (б). С. 107.

Признание смысла войны и ее ценности позволило христианскому мыслителю переживать поражение России в I Мировой войне конструктивно. В отличие от многих своих современников, он полагал, что выпавшие на долю России испытания и перенесенные русским народом страдания обогатили духовный опыт страны, и что при должном учете полученного в войне и вызванной ею революции опыта Россия способна выйти на новый уровень развития. В этой связи он писал: «Наша внешняя неудача может быть нами еще превращена во внутреннюю удачу. Для этого необходимо только одно — ощутить в пронесшейся над нами грозе и бури откровение Вечности»⁴⁵.

Размышления Степуна, ученого и христианского мыслителя, о войне могут способствовать не только расширению представлений о природе былых войн, но и более глубокому пониманию многочисленных военных конфликтов современности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя. 2000 (а). 651 с.
- Степун Ф.* (Н. Лугин) Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей. 2000 (б).
- Степун Ф.А.* Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / Пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак и Л. Маркевич. СПб.: Владимир Даль, 2012. 479 с.
- Степун Ф.А.* Мысли о России // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. Вступ. ст., сост. и комм. В.К. Кантора. М.: Астрель, 2009 (а). С. 253-501.
- Степун Ф.А.* Христианство и политика // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. М.: Астрель, 2009 (б). С. 502-534.
- Астафьев В.* Прокляты и убиты: Роман. М.: Эксмо. 2007. 832 с.
- Бердяев Н.А.* Третий исход // Новый журнал. 1953. № 32. С. 271-280.
- Гаман Л.А.* Русская религиозно-философская мысль о войне: взгляд Ф.А. Степуна // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Выпуск 9 (99). С. 92-94.
- Ермичев А. Ф.А.* Степун. Очерк жизни // Степун Ф. Портреты / Сост. и послесловие А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ. 1990. С. 393-409.
- Кантор В.К.* Ф.А. Степун: русский философ в эпоху безумия разума // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / Вступ. ст., сост. и комм. В.К. Кантора. М.: Астрель, 2009. С. 3-39.
- Киселев А.Ф.* С верой в Россию: Духовные искания Федора Степуна. М.: Дрофа, 2014. 364 с.
- Могильницкий Б.Г.* Историческое познание и историческое сознание (К постановке вопроса) // Историческая наука и историческое познание. Томск: Изд-во Том. ннта, 2000. С. 34-67.
- Гаман Лидия Александровна*, доктор исторических наук, зав. кафедрой гуманитарных и социальных наук Северского технологического института (Филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»); *GamanL@yandex.ru*.

---

⁴⁵ *Степун Ф.А.* Мысли о России. 2009. С. 355.